

Когда торжественное шествие по столичным улицам завершилось, новоиспеченные ученые мужи направились в Министерство ритуалов на Эньюнянь — Благодарственный императорский пир. На этом торжестве полагалось присутствовать едва ли не всем чинам, причастным к проведению экзаменов: от судей, оценивавших работы, и цензоров до начальников императорского эскорта, министра ритуалов и его помощников. Сюда же явились и те, кто принимал свитки, запечатывал имена, хранил работы, следил за порядком, ведал охраной, вписывал имена в списки победителей, ставил печати и распоряжался припасами. Почетным председателем пира высочайшим указом назначили одного из приближенных вельмож императора. Для каждого из главных сановников накрыли отдельный стол, чиновники рангом пониже сидели по двое, тогда как удостоившийся звания чжуанюаня занимал стол в гордом одиночестве. Занявшие второе и третье места — баньянь и таньхуа — делили один стол на двоих, а прочие цзиньши рассаживались по четверо.

Цзя Чжу заметил, что место почетного председателя занял Четвертый принц, возглавлявший Академию Ханьлинь. Рядом расположились министр ритуалов Сунь Цзянай и великий секретарь Восточного павильона Се Юэ. Оценщикам экзаменационных работ, среди которых сидели Хоу Сяохуа и Ли Шоучжун, тоже отвели по отдельному столу.

Столы ломились от изысканных яств. По заведенному обычаю пиршество открылось пением оды «Крик оленя» из раздела «Малые оды» «Книги песен», после чего наступил черед слагать стихи. Среди троих лучших выпускников Сююй ожидаемо превзошел всех талантом. Пока Чжао Сюнджао корпел над восьмистишием с семисловной строкой, а Дай Хайкун складывал пятисловные стихи, Сююй без ложной скромности взмахнул кистью и в один миг набросал величественную поэму в древнем стиле — сорок восемь строк с безупречной рифмой. Когда он звучным голосом зачитал свое творение, зал замер в благоговейном восхищении.

Сидевший за соседним столом Цзя Чжу разделил общий восторг, однако на душе у него заскребли кошки. Сююй всегда отличался своеобразием и привык поступать как вздумается, и дома на это смотрели сквозь пальцы. Но в чиновничьем омуте столь яркий блеск ума и неумение скрывать превосходство могли обернуться бедой. Что, если он невзначай наживет себе могущественных врагов, даже не заметив этого?

Когда поэтические состязания завершились, молодые ученые наконец расслабились. Поскольку от стола председателя их отделяло приличное расстояние, гости принялись вполголоса переговариваться. Вместе с Цзя Чжу сидели трое других призеров, открывавших список второго разряда. По их сияющим лицам трудно было судить, вполне ли они довольны своими местами, но радость и гордость они даже не пытались скрывать.

Соседа Цзя Чжу звали Ян Сихэн. Едва узнав из разговора, что его собеседник принадлежит к роду прославленного государственного гуна Жунго, он мгновенно переменился в лице и заговорил с угодливым почтением. Цзя Чжу лишь мысленно усмехнулся. Большинство тех, кто выдерживал столь суровый отбор, происходили из неизвестных и бедных семей. Оказавшись на пороге чиновничьего мира, они невольно искали дружбы с влиятельной знатью, надеясь обрести надежную опору для быстрого взлета.

Сам же Цзя Чжу относился к выходцам из простых семей с глубоким уважением. Ведь именно эти люди долгие двадцать лет упорно трудились, читая книги при тусклом свете запертых в

сосуд светляков или по отблеску зимнего снега за окном. Разве мог избалованный Сююй, которого во время учебы лелеяли десятки слуг, до конца понять, какую нужду и лишения они претерпели? Из сочувствия к их нелегкой доле Цзя Чжу держал себя просто и приветливо. Он охотно беседовал с товарищами по столу о родине и семьях, время от времени отвлекаясь на Сююя, который то и дело наклонялся к нему с расспросами. Так, за неспешной беседой, он надеялся спокойно скоротать праздничные часы.

Однако в самый разгар пира в залу вошел человек в роскошном парчовом одеянии и золотом венце, сопровождаемый немногочисленной, но грозной свитой. Цзя Чжу и его соседи еще не успели сообразить, кто перед ними, как Четвертый принц поспешно поднялся со своего места и направился к гостю, увлекая за собой остальных сановников.

— Не знал, что пятый брат почтит нас своим присутствием, — произнес Четвертый принц, почтительно сложив руки. — Прости, что не встретил тебя как подобает.

Гость поклонился в ответ:

— К чему эти церемонии, брат? Рад приветствовать тебя.

Поняв, кто предстал перед ними, молодые ученые торопливо повскакали из-за столов и склонились в глубоком поклоне:

— Приветствуем Пятого принца!

Выпрямившись, Цзя Чжу украдкой окинул взглядом вошедшего. Перед ним стоял прославленный своими ратными подвигами принц Сяо — Ту Линь, который уже занимал пост военного министра и раньше прочих братьев удостоился высокого княжеского титула. Облик его сочетал в себе воинское величие и утонченное благородство: облаченный в расшитые золотом парчовые одежды, он держался с безупречной осанкой боевого командира. Резко очерченные брови выдавали твердый, почти суровый нрав, однако в его взгляде читались не только властность, но и живой ум. В народе Ту Линя величали «просвещенным полководцем» — поговаривали, что он не только искусен в верховой езде и стрельбе из лука, но и наделен редким поэтическим даром, позволяющим ему слагать изящные вирши за считанные мгновения. Он разительно отличался от своего брата, Четвертого принца, который предпочитал ратным трудам изысканные беседы об искусстве, музыку и вино в кругу поэтов.

— Я как раз возвращался из Военного министерства, — звучным голосом произнес Пятый принц, — и, проезжая мимо Палаты ритуалов, прослышал, что здесь чествуют новоиспеченных ученых мужей. Не удержался и решил заглянуть на огонек...

Приняв из рук слуги наполненный кубок, он салютовал притихшему залу:

— Прошу вас, господа, присаживайтесь.

— Благодарим Ваше Высочество! — хором отзывались юноши и вернулись на свои места.

Принц медленно обвел взглядом присутствующих. Его взор скользнул по столам троих лучших выпускников, но у самого плеча Сююя неожиданно натолкнулся на встречный взгляд. Юноша, смотревший на него, казался на удивление статным и благородным, словно драгоценный нефрит, излучающий мягкое сияние. В его глазах не было ни страха, ни заискивания — лишь спокойное, вдумчивое любопытство. Но стоило их взглядам скреститься, как незнакомец тут же опустил взгляд, уклоняясь от безмолвного поединка.

Пятый принц на мгновение блеснул глазами. Судя по расположению стола, этот молодой человек занимал первое место во втором разряде выпускников. Зная наперечет имена первой десятки, Ту Линь сразу понял, что перед ним Цзя Чжу. Он едва заметно улыбнулся, а в душе проснулся живой интерес. Книжник, сумевший составить столь глубокий трактат, как «Восемь стратегий усмирения мятежников», и впрямь оказался незаурядной личностью.

Впрочем, принц ничем не выдал своего удивления. Он вновь обвел взглядом залу и обратился к собранию:

— С сегодняшнего дня мы с вами станем соратниками на государственной службе. Искренне надеюсь, что каждый из вас приложит все силы ради процветания Поднебесной и блага государя. Пусть наши труды принесут мир великой державе, чтобы во всех четырех морях воцарился покой, а в каждом доме — достаток и радость!

С этими словами он осушил свой кубок до дна. Вдохновленные его горячей речью, молодые ученые разом подняли чаши и дружно выпили в ответ.

Довольный таким приемом, Пятый принц доброжелательно кивнул и велел гостям не стесняться и наслаждаться угощением. Обменявшись еще парой слов с Четвертым принцем и другими вельможами, он в сопровождении свиты покинул пиршественный зал. Присутствующие дружно поднялись, провожая его поклонами. О том же, как до самого позднего вечера продолжалось веселое застолье, умолчим.